

ЕВРАЗИЯ, РОССИЯ И СИБИРЬ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ И КОНСТРУКЦИЯХ

Михаил Николаевич Колоткин

Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плахотного, 10, доктор исторических наук, профессор кафедры правовых и социальных наук, тел. (383)361-04-68, e-mail: m.n.kolotkin@ssga.ru

В статье рассматриваются теоретические проблемы категории пространства, отличие понятий «пространство» и «территория». Проблема пространства раскрывается через геополитический дискурс в трех уровнях – евразийском, российском и сибирском, различные подходы западных и восточных геополитиков к освоению сибирского пространства.

Ключевые слова: пространство, территория, Хартленд, геополитика, русофобия.

EURASIA, RUSSIA AND SIBERIA IN GEOPOLITICAL PLANS AND CONSTRUCTIONS

Mikhail N. Kolotkin

Siberian State University of Geosystems and Technologies, 10, Plakhotnogo St., Novosibirsk, 630108, Russia, D. Sc., Professor, Department of Legal and Social Sciences, phone: (383)361-04-68, e-mail: m.n.kolotkin@ssga.ru

The article deals with theoretical problems of the category of space, difference between the concepts of «space» and «territory». The problem of space is revealed through geo-political discourse in three levels – Eurasian, Russian and Siberian, as well as different approaches of Western and Eastern geopolitics to the development of Siberian space.

Key words: space, territory, Heartland, geopolitics, Russophobia.

Представления о пространстве являются важнейшими в нашем знании о мире. Их особая роль заключается в том, что пространство одновременно является местом действия, на котором разворачиваются все мировые события и непосредственным участником этих событий, во многом определяющих их характер и развитие. Российские философы А. Симанов и А. Сторожук, известные специалисты по этому вопросу, даже полагают, что «современный этап развития представлений о пространстве дает некоторые основания утверждать, что он должен завершиться созданием новых теорий, как конкретно-научных, так и философских, радикально переосмысляющих все существующие поныне взгляды. Это будет вторая революция в развитии учения о пространстве. То, что такая революция назревает, обусловлено, с одной стороны, поисками теории великого объединения (иными словами – унифицированной теории, описывающей единым формализмом мега-, макро- и микромир), а с другой – происходящим сейчас философским переосмыслением взглядов на пространство» [1].

И это действительно так. Если прежде понятия «территория» и «пространство», как правило, рассматривались в качестве синонимов, то уже на рубеже тысячелетия (конце XX – начале XXI вв.) «пространство» становится самостоятельной категорией. Процесс глобализации, бурное развитие информационных технологий, появление Интернета обусловили, наряду с прежними (политическое, экономическое, территориальное, географическое), новые качества понимания пространства – информационного, правового, виртуального и т. д. Сложилось ясное понимание определений территории и пространства. Под первым имеется в виду физико-географическая и природно-биологическая реальность, а под вторым – социальная реальность, которая связана с государством и политической практикой. Безусловно, они взаимосвязаны между собой, однако уже не тождественны. Пространство оказывается виртуальной конструкцией, создаваемой ради организации представлений, на основе которых выстраиваются социальные и политические практики. Причем любая территория социума способна вмещать множество пространств. Особенно наглядно это видно при освоении новых территорий, где последовательно появляются дополнительные пространства – силовые ресурсы власти, экономические, правовые, технологические, информационные и другие, направленные на пространственное оформление территории и ее дальнейшее развитие. Н.А.Косолапов, известный специалист по этой проблеме, полагает, что «видимо, пространством следует считать ту и только ту часть организационной «надстройки» над данной территорией, в которой данные пространственные формы и отношения не только присутствуют время от времени, но утвердились на повседневной основе». В качестве примера он ссылается на российский опыт, где правовое пространство охватывает прежде всего те части страны, где реально удалось наладить жизнь по закону – и отсутствует там, где население живет по «понятиям» или обычаям и нормам прошлого [2].

Сегодня в науке одновременно используется несколько представлений о пространстве. Начиная от понятия, которое первым ввел Рене Декарт в эпоху зарождения общества Модерна – «*rextensa*» (дословно – «протяженная вещь»), «нелокального пространства» Нильса Бора, синергетических моделей С. Хакена и И.Пригожина, объясняющих неинтегрируемые процессы и неравновесные состояния, модели хаоса и порядка, и вплоть до эпохи Постмодерна, когда возникла новая парадигма «качественного пространства». Постепенно приходит понимание, что «пространство» всегда выступает социологическим конструктом, а все его свойства являются ни чем иным, как проекцией доминирующих в данном конкретном социуме представлений.

Качественное пространство всегда учитывает месторасположение социума, рельеф и пространственный ландшафт территории, где происходят определенные события. Это позволяет полнее провести детальный анализ и прогноз явления, просчитать возможные последствия. И в этом смысле качественное пространство всегда является смысловой средой, которое не только влияет на социум, но также определяет его структурные особенности. Таким образом, качественное пространство всегда представляется, как живой, окружающий нас мир.

В современном дискурсе геополитика, как правило, рассматривается как наука, областью исследования которой является отношение государства к пространству. Традиционные геополитические парадигмы рассматривали, как правило, типовые дихотомические метафоры («Суша/Море», «Бегемот/Левиафан», «Heartland/Rimland» и т.п.). Известный российский геополитик А.Г.Дугин полагает, что если к ним добавить социологические концепты, связанные с обществом, то структура геополитики будет более полной: «Теперь структура геополитической карты выглядит следующим образом: на ней выделяются три (а не два) слоя – политический (границы национальных государств), географический (земной ландшафт) и социальный (особенности культур, цивилизаций, обществ)». И далее он рассуждает следующим образом: «Государство как-то связано с пространством, и попытки нащупать структуру этой связи составляют сущность классической геополитики. «Как-то связано», но как именно? Ни политика, ни география на этот вопрос ответить не способны. Ответ лежит в сфере общества, которая является матрицей как пространственных представлений и обобщений, так и политических структурализаций» [3].

Многие геополитики, в частности её основатель Фридрих Ратцель (1844–1904), рассматривали пространство как объективное свойство окружающего мира, уделяя повышенное внимание географической среде. Он сформулировал законы «территориальной экспансии государства». В частности, государство может расширяться или сужаться в зависимости от внутренних и внешних факторов. Оно расширяет свое пространство, если имеет необходимую энергию и ресурсы для этого, или сжимается, уступая более пассионарным соседям. Причем важнейшим фактором экспансии он считает культуру [4].

Хотелось бы сказать еще об одном ученом. В 1904 г. вышла в свет работа Хэлфорда Маккиндера (1851–1947) «Географическая ось истории». Он показал, что глобальная власть на Земле возможна только на базе овладения геопланетарными пространствами. Географическая ось истории, согласно автору проходит через пространство Евразии. А господство над этим пространством может явиться основой для мирового господства. В 1919 году в статье «Демократические идеалы и действительность» Х. Маккиндер сформулировал еще один базовый закон геополитики, не потерявший своего значения и сегодня: «Кто контролирует Восточную Европу, кто управляет «сердечной землей» – хартлендом, тот управляет «мировым островом» (подразумевается Евразия – М.К.); кто управляет «мировым островом», тот правит миром» [5].

Именно под этим углом, на наш взгляд, и необходимо рассматривать проблемные сюжеты сибирского пространства. Это тем более важно еще и потому, что в России геополитика как научная дисциплина стала оформляться только с начала 1990-х годов в рамках неоевразийской школы. Ей предшествовала школа классического евразийства, созданная в эмиграции Н. Трубецким (1890–1938), П. Н. Савицким (1895–1965), Г. В. Флоровским (1893–1979), Г. В. Вернадским (1877–1973) и др. Они полагали, что уникальное месторасположение России позволяет считать ее самостоятельной цивилизацией, «государством-миром», ввели понятие «Россия-Евразия». Ее необходимо рассматривать как нечто отличное

и от Запада и от Востока, она синтезирует элементы различных культур – славянских, тюркских, монгольских, палеоазитских и т.д. П.Н. Савицкий полагал, что «срединность» России является основой ее исторической идентичности. Она не является частью Европы и не продолжением Азии, а прежде всего самобытным миром, особой духовно-исторической реальностью [6].

В условиях монополярного мира, как считает известный геополитик А. П. Дубнов, США вклинились в континентальный геостратегический регион с ясно обозначенной позицией – воспрепятствовать здесь доминированию Российской Федерации и Китая. Помимо Европы, евразийские пространства сегодня представляют наибольший геополитический интерес для проектантов будущего мироустройства. В течение нескольких веков Россия «интегрировала огромное пространство Урала, Сибири и Востока – северовосточного пояса Хартленда и создавала мощный противовес Германии, Японии, США, Китаю. Сибирь стала одним из ключевых факторов XXI века. Следуя постулатам глобализма, жизненные пространства материков планеты стремительно наполняются новым населением со скоростью до одного миллиарда человек за 10 лет, с удвоением общей численности народов Земли за 33 года. Демографический рост сопровождается колоссальным давлением на окружающую среду, экспоненциальным ростом добычи и потребления минеральных ресурсов с удвоением объема добычи примерно через каждое десятилетие. На основании этих тенденций А. П. Дубнов предположил еще четверть века назад, что «начало нового движения человечества к приполярным ареалам северного полушария уже началось экспансией стран Азии, Америки и Австралии в Тихоокеанский регион. Переполнение средних широт планеты вследствие демографического взрыва, истощения природных ресурсов и глобального потепления климата в начале XXI века создает предпосылки для дальнейшего продвижения цивилизации на Север, где географически сближаются Европа, Азия и Северная Америка» [7]. А это открывает новые возможности и риски перед сибирским пространством.

Россия является государством, в котором существуют различные социально-пространственные отношения между центром и периферией. Сибирь в качестве малоосвоенной территории, с малой плотностью населения всегда будет испытывать в условиях глобализации попытки организовать новые пространственные переделы и быть ареной борьбы за ресурсы. Особая роль Сибири, которую она потенциально может играть на постсоветском пространстве в XXI веке, непосредственно связана с проблемой о сущности самой Российской Федерации, возможности ее влияния на мировое стратегическое равновесие.

А оценки разные. Профессор Центра исторических исследований Университета Джавахарлала Неру (г. Нью-Дели) Палат Мадхаван образно выразился: «Обширное и не проявляющее признаков активности пространство Сибири теперь нависает, как воспаленный и отравляющий весь организм аппендикс» [8]. Внимательный читатель это должен понимать так – необходима операция по его удалению. Ученый назвал наличие Сибири в составе России пассивом. В качестве примеров для подражания он привел Европу и Японию, которые потеряв свои колониальные владения, сжались до современных географических границ,

что обеспечило им дальнейшее развитие и процветание. Россия, по мысли автора, должна пойти именно по этому пути.

На протяжении десятилетий Сибири, как правило, отводилось особое место в различных геополитических планах и прогнозах. Она становится плацдармом для политических и территориальных притязаний различных акторов. Мы наблюдаем, что постоянно подогревается интерес геополитических конкурентов Российской Федерации к Сибири. Так, по мнению экс-госсекретаря США Мадлен Олбрайт, Россия якобы несправедливо владеет значительной долей природных богатств Сибири. Этот регион должен «по справедливости» принадлежать всему миру. Северный морской путь также не должен принадлежать только России, а быть достоянием всего человечества. Ей вторит и другая экс-госсекретарь США Кондолиза Райс, цинично утверждающая, что «Россия представляет опасность для Запада вообще и для наших европейских союзников в частности» [9].

Олицетворением западной русофобии на протяжении долгих лет был Збигнев Бжезинский, во многом определяющий политику США. Ярый враг СССР, а затем России, он подводил под свою ненависть теоретические основания и практику, являлся приверженцем американоцентричной модели мироустройства. О том, что «холодная война» велась не столько против коммунизма, сколько против российской государственности можно судить хотя бы по ряду высказываний З. Бжезинского: «Мы уничтожили Советский Союз, уничтожим и Россию. Шансов у вас нет никаких», «Россия – это вообще лишняя страна», «Сейчас не надо подпитывать иллюзии о великодержавности России. Нужно отбить охоту к такому образу мыслей. Россия будет раздробленной и под «опекой»».

При разработке новой политической конфигурации мироустройства важнейшая роль отводилась установлению гегемонии США над территорией Евразии. З.Бжезинский считал эту задачу «главным политическим призом Америки». Российское государство предлагалось расчленить на три части – Европейскую Россию, собственно Russia, с границей на востоке по Уральскому хребту и две республики – Сибирскую и Дальневосточную, объединенные в конфедерацию. Конфедералистская форма организации пространства рассматривалась как переходная фаза на пути к полному политическому размежеванию обозначенных трех республик. На Дальнем Востоке и Сибири вместо «тяжелой руки московской бюрократии» должна была быть установлена «мягкая гегемония» США. Причем, как отмечает известный российский политолог В.Э. Багдасарян, характерно, что в русских переводах его книги предлагаемые З.Бжезинским наглядные карты расчленения России, оказались, вероятно, по соображениям политкорректности купированы и не были помещены в ней [10].

В своей знаменитой книге «Великая шахматная доска» З. Бжезинский заявил о том, что Евразийский материк является той «шахматной доской», на которой единственная сверхдержава – США должна сыграть свою партию по установлению планетарного господства в условиях однополярного мира. Россию он

назвал «черной дырой» и «смертельной угрозой» и призывал ее изолировать и дестабилизировать [11].

Часто мы можем наблюдать, как в истории со стороны больших государств наблюдаются попытки применить старые приемы в новых условиях. В октябре 1867 г. Североамериканские Соединенные штаты купили у Российской империи Аляску. Стоимость сделки составила 7,2 миллиона долларов золотом. Американцы получили весь полуостров Аляску, береговую полосу шириной в 10 миль южнее Аляски вдоль западного берега Британской Колумбии, архипелаг Александра, Алеутские острова, острова Святого Лаврентия, Святого Матвея, Прибылова и Нунивак. Только сухопутная территория составила 1519 тысяч кв. километров. Один квадратный метр аляскинской земли стоил для американского бюджета 0,0004 цента [12].

Конечно этот успех воодушевил США. В кризисные для России «лихие девяностые» ведущий консультант Института мировой политики (США) Уолтер Рассел Мид выпустил цикл сенсационных статей под заголовком «Не купить ли нам Сибирь?». Определили объект – предполагалось приобрести пространство, примерно равное нынешним размерам США, ограниченное с севера Ледовитым океаном, с запада – Енисеем, на востоке – Тихим океаном, а на юге – имеющимися границами с КНР, Монголией и КНДР. Была названа цена вопроса – 3 триллиона долларов. Для управления купленной территорией ее разделят на семь частей, которые войдут в состав Америки на правах штатов. «Позаботились» и о местных жителях. Примерно 15 млн человек сразу станут полноправными гражданами США с правом проживания в любом месте Америки. Для адаптации новых граждан к американскому образу жизни будут разработаны специальные программы. Коренные малочисленные сибирские этносы предполагалось социализировать по варианту Аляски. В проекте было намечено построить на приобретенной территории Транссибирское скоростное шоссе, которое соединит Европу и Азию, приведет к росту новых городов. А США, после приватизации природных ресурсов Сибири, быстро окупят затраты на покупку сибирского Эльдорадо [13].

Помимо США есть еще ряд государств, желающих прибрать к рукам сибирские ресурсы и получить новое «жизненное пространство». По мере развития процессов глобализации в мире борьба за Сибирь будет все более и более обостряться. Поэтому в этих условиях центральная власть в России должна перестать относиться к сибирскому региону как колониальному придатку с энергетическими ресурсами, уделить самое серьезное внимание восточным территориям страны. Без крупных стратегических проектов по освоению Сибири нам будет трудно сохранить территориальную целостность, всегда найдутся желающие настаивать на интернационализации сибирских природных ресурсов. Необходимо принципиально изменить имидж Сибири, отказаться от восприятия ее как «кладовой ресурсов», а позиционировать данную территорию как «жизненное пространство» для всех российских жителей, экологически нетронутой части планеты с чистыми лесами, озерами и реками, возможной туристической и санаторной инфраструктуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Симанов А. Л., Сторожук А. Ю. Историко-философские проблемы представлений о пространстве.– Новосибирск. – 2014. – С. 4–5.
2. Косолапов Н. А. Глобализация: территориально-пространственный аспект // Мировая экономика и международные отношения. – 2005.– № 6.– С. 8.
3. Дугин А. Г. Геополитика.– М.: Академический проект «Гаудеамус». – 2011. – С. 4–5.
4. Ratzel F. Die Gesetze des raumlichen Wachstums der Staaten. Ein Beitrag zur wissenschaftlichen politischen Geographie // Petermanns Geographische Mitteilungen. – 1986. – Jg. 42. – S. 97–107.
5. Mackinder H. Democratik Ideasand Reality: A Studyin Politicsof Rekonstruction. – Washington. – 1996. – S.106.
6. Савицкий П. Н. Географические и геополитические основы евразийства // Основы евразийства. – С. 297; Дугин А. Г. Геополитика. – С. 166–167.
7. Дубнов А. П. Геополитика: экскурс в теорию // Сибирское измерение российской геополитики: история и перспективы. – Новосибирск, 1995. – С. 10–11.
8. Палат Мадхаван. Сибирь в поисках идентичности // Азиатская Россия: история и современный дискурс: сб. науч. статей. – Новосибирск. –2010. – С. 5.
9. Райс К. Главная угроза миру исходит от России [Электронный ресурс] // Новостной сайт «Лента.ру». – 2001. – февраль. – Режим доступа: //http: / lenta.ru /world/201/02/22/rice.
10. Багдасарян В. Э. Бжезинский – теоретикроссиефобии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http:/ rusrand.ru/forekast/bjezinskiy- teoretik-rossitfobii.
11. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М., 1999.
12. Борьба за сибирские ресурсы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: //http: /www.liberty.ru/ community/ blogs/ entry.
13. Мид У. Р. Не купить ли нам Сибирь? – Родина. – №5. – 2000. – С. 5–7.

© М. Н. Колоткин, 2019